Иван САВЕЛЬЕВ

Егерь Слова

К 75-летию Леонида Бородина

Судьбы мастеров литературы, имеющих твёрдую нравственно-гражданственную позицию, в годы властного произвола схожи своей трагичностью. Так было с Александром Трифоновичем Твардовским и его молодым современником Леонидом Ивановичем Бородиным.

Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, и потому надо желать одной правды… и даже несмотря на все преследования и гонения, которые мы можем получить из-за неё.
Ф.М. Достоевский

Твардовский в свой предъюбилейный и юбилейный год был в духовной, а если быть точным, — в антидуховной брежневско-сусловской зоне, что и свело его в преждевременную могилу, а Бородин находился в той самой зоне, откуда редко кто со времён ГУЛАГа возвращался.

И хотя он, дважды осуждённый, вернулся, но последствия зоны давали о себе знать, медленно готовя ему судьбу главного героя из его повести «Третья правда» егеря Ивана Рябинина. «Третью правду» исповедовал Андриан Селиванов, браконьер и антипод Рябинина. Не принявший в тайге новой власти, он бахвалился: ему, мол, не нужна ни правда белых, ни правда красных, — у него своя «третья правда». На словах это так и было, а по жизни Селиванов сначала помог белым уйти от красных, а потом со своей укромной скалы убивал каждый раз нового командира «звездачей»…

У егеря Рябинина, принявшего новую власть, была правда этой власти, однако он от неё получил десятку зоны, а в результате безуспешных побегов она увеличилась до четвертака, — то есть жизнь его практически была погублена.

В этом — стержень «Третьей правды», повести, что зачиналась там, в тайге, кою воспел Леонид Иванович Бородин таким языком, по-бунински пластичным и по-купрински вдохновенно-романтическим, что она приобрела не только всесоюзную, но и мировую известность.

Густа эта проза, её язык — это язык Поэта (а Леонид Бородин — подлинный Мастер стиха); и эта поэтическая речь как бы накладывалась на речь самой тайги, — то тихой и безмолвной в распадках, то звучной на скалах, — и их вышина гармонировала с высотой бородинского слога, а в герое повести Иване Рябинине угадывается сам Леонид Иванович, ибо он на своей литературной делянке был Егерем Слова, восходившим, как и Иван Рябинин, к новой, своей Третьей Правде, коя была уже Правдой вечной, — Правдой Бога, давшей им обоим силы пройти достойно свой путь до конца.

Материала этой повести в неполный десяток авторских листов с такими крупными характерами, как Рябинин, Селиванов, Светличная, и сюжетными линиями Иван Рябинин — Людмила Оболенская, Наталья — Ванька Оболенский, иному нынешнему «классику» хватило бы на роман в 40-50 листов!

Мне скажут, что у Леонида Бородина есть и другие превосходные произведения. Кто же не знает его «Повести странного времени», «Года чуда и печали», «Расставания», «Ловушки для Адама», «Без выбора», «Посещения», «Царицы смуты».

Знают. Ценят. Любят.

Но, как у каждого крупного художника, у Бородина есть вершинное произведение.

Вспомним, таким произведением у Тургенева были «Отцы и дети», у Толстого — «Война и мир», у Бунина — «Жизнь Арсеньева», у Горького — «Жизнь Клима Самгина».

Этим произведением у Бородина стала «Третья правда».

А своё писательское кредо Леонид Бородин сформулировал в повести «Полюс верности»: «Как это желательно – видеть линию своей судьбы штрихом на плане судьбы народной».

Эта линия судьбы ярко прочерчена в превосходном венке сонетов «Осенняя мелодия», который написан Леонидом Ивановичем во Владимирской тюрьме в 1970-ом году, куда он был переведён во время второго срока из мордовского лагеря:

Узор мотива бесконечно нов,
Причудлив строй славянского мотива —
Надсадно ли, спокойно ли, игриво
Берёза ли, рябина ли иль ива,

На пашне ли, у праздничных столов,
Где песне место — славянину кров.
Ключ от сердец, от счастья, от миров —
У запевалы Божий дар счастливый!

Кто наделен им — назовётся брат.
Кто обделён им — подпевать бы рад,
Лишь только б песня русская звучала,

Да обо всём, что просится сначала,
И смех, и грех в достоинство вбирая,
Как первый луч, как молодость… Вторая…

Какой сдержанный слог! Какое достоинство в его Слове, — а ведь не забудем, пишет Леонид Иванович эту песнь народной судьбы, в которую — полностью, гордо и взволнованно! — перетекает судьба Поэта, в тюрьме, где даже очень сильные люди ломались, а если и писали что-то, то это был крик, пусть и оправданный, но всё-таки крик.

Литературная делянка Бородина со временем превратилась в литературную равнину-материк, что будет застелена тысячами страниц журнала «Москва», который писатель возглавил в 1990-ом году и руководил которым до своих дней…

И этот литературный материк, подчеркну ещё раз, зорко и надёжно охранял он, Егерь Слова, не допуская к нему многочисленных браконьеров от литературы.

«Новый мир» Твардовского, после его ухода, ещё какое-то время при Наровчатове и Залыгине держал планку Александра Трифоновича, а потом стремительно покатился вниз до своего нынешнего плачевного состояния, — журнал же «Москва» держит бородинскую планку высокой духовности, а каждый номер завершается «Домашней церковью», разделом, окаймляющим все его страницы божественным светом Неба, разделом, который формировал с таким бережным душевным трепетом Леонид Иванович Бородин.

…В последний раз мы встретились в редакции журнала в роковом для Леонида Ивановича 2011-ом году.

Он не сидел в просторном алексеевском кабинете, а примостился у краешка стола в маленькой комнате. Леонид Иванович расспрашивал о моих делах, и — ни слова о себе, только в открытых глазах его стояла неизбывная тоска.

Он заглянул в мою новую подборку стихов и сказал, чтобы я их отнёс в отдел, — он во всём доверял сотрудникам, и они высоко это ценили.

Я ушёл, а вскоре и его не стало.

Но до сих пор вижу его сидящего у краешка стола, рядом с дверью, точно он собирался уйти незаметно из редакции и, к великому несчастью для русской литературы, из самой жизни.

Узнав о его кончине, я на следующий день, 28 ноября 2011-го года, написал стихи, коими и заканчиваю свои беглые раздумья о выдающемся поэте, прозаике и гражданине Леониде Бородине:

Подвижник

Его пытались в зоне извести,
Как часто с непокорными бывало, —
Но «Третья правда»
С ним была в пути,
В душе родясь,
Она его спасала.

Он не показывал,
Как он страдал,
Как будто шёл — через года! — тайгою.
И этой Правдой —
Истиной нагою —
Созвездие талантов облучал.

Он не жалел ни времени, ни сил
И, слыша голос неземного зова,
Литературе истиной служил
И спас «Москву» —
Журнал Святого Слова.

…Я знаю: перед ним я виноват.
Крепился ты,
Но — изнемог и рухнул.
И, видя сквозь толпу живой твой взгляд,
Виновным себя чувствует Арбат,
Где ты шагал и где витает дух твой.

Елена СТЕПАНОВА

Остановитесь, он был другим,

или Как мы с Высоцким работали в паре

25 января вся страна отмечала день рождения легендарной личности советской эпохи — поэта, музыканта, артиста Владимира Высоцкого. И рядом с нами, к счастью, оказались люди, которые с ним работали, делили беды и радости…

У каждого из тех, кому чуточку «за», есть свой Высоцкий. Писатель, заслуженный артист России Валерий Иванов-Таганский с ним вместе работал в театре на Таганке, много лет они делили одну гримёрку. И конечно, у Валерия Александровича свой взгляд, которым он щедро делится, приоткрывая завесу тайны характера Высоцкого. И вот я уже понимаю, что актёр — это, конечно, профессия, но ещё больше — существо самого человека, в котором целый океан бушующих частиц…

Сам по себе Таганский — большой интеллигент: это есть и во внешности, и в манере держаться, в речах, словах и тоне. Но — будь хоть один-единственный слушатель — он раскрывается, как маковый бутон: становится артистом и играет, словно оказавшись на сцене. Так, играя, рисует портрет Высоцкого, складывает его образ будто из паззлов, но паззлов много, а он играет вдохновенно и с азартом, не только голосом и жестами, а всем своим «я», и потому совершенно отчётливо видишь, как схлестнулись Гамлет и Лаэрт над могилой несчастной Офелии. Гамлета играл Высоцкий, а Лаэрта — Иванов-Таганский. И ещё не раз случалось им работать в паре. Не только на сцене. «*Мы с симпатией друг к другу относились*», — скажет Валерий Александрович об этом. И были совместные работы: «Десять дней, которые потрясли мир», «Пугачёв», «Жизнь Галилея», «Павшие и живые»… И бар Эрфурт в Вильнюсе, куда оба они рванули отомстить зарвавшемуся барабанщику…

— Я в то лето не поехал домой в Ригу, — скажет мне Валерий Александрович о первом знакомстве с Высоцким. — Остался в Москве. Это было ещё до театра, в 1962 году, после первого курса Щукинского театрального училища. Вдруг моя сокурсница Нила Животова приводит к себе в комнату Володю Высоцкого. А он — позже я понял — недалеко там жил от Рижского вокзала. Нила была высокая, красивая, длинноногая, но смурная, за то и пострадала: её потом отчислили. Как сложилась судьба Нилы, не знаю, но мне она нравилась. Так вот, Володя. Я его не знал. Он появился с гитарой. А на гитаре вместо ремня — белый электрический провод. И начал петь. Это был городской фольклор, песни, мне незнакомые. У него были не только свои, но когда он запел свои — мне это страшно понравилось. И поскольку он увидел азартного человека, с интересом к нему относящегося, Нила как-то отодвинулась на второй план, и мы стали с Высоцким разговаривать, он спрашивал, откуда я и кто…

Валерий Иванов был профессиональным боксёром, чемпионом Латвии, мастером спорта. Тренер Лавренович, увидев вдруг его в рижском ТЮЗе, был потрясен: «Валера, ты плохой артист, никудышный, — стал уговаривать он подопечного, опасаясь потерять его в спорте. — Ты боксёр выдающийся. Не ходи в театральное, а?» Но Валера пошёл. И жил в общаге на Трифоновке, куда к Ниле явился Высоцкий и, разговорившись с новым знакомым, остался у него ночевать.

— Утром продрали глаза. «Слушай, а ты действительно боксёр? — спрашивает Володя. — Ну, давай попробуем, я тоже умею!» И в этой комнате мы стали боксировать. «Да, — сказал Володя, поняв, что перед ним человек, который и вправду серьёзно владеет этим искусством. — Не ожидал!»

Они попрощались, и Высоцкий ушёл. А в 1966 году Валерий Иванов с головой окунулся в театр на Таганке, и здесь они снова встретились. Высоцкий играл в спектакле «Жизнь Галилея», был лидером театра и уже входил в тройку ведущих артистов. Иванова тут же ввели в этот спектакль, он стал играть Согрэдо, друга главного героя.

— На одном из собраний Володя встаёт и говорит: «Вы знаете, дорогие друзья, у нас всё-таки молодой коллектив. Надо заниматься спортом: театр требует этого. Лидером спортивной секции предлагаю Валерия Иванова». И я быстро сделал штанги из грузил, которыми крепятся декорации, потребовал у дирекции купить гантели, артисты стали качаться. А дело в том, что и «Пугачёва», и позже «Гамлета» мы играли по пояс голыми. И, разумеется, все хотели выглядеть привлекательно, иметь подтянутое тело и на женщин впечатление производить. Высоцкий был как статуэтка — его так Эфрос назвал. «Володя, — говорит, — вы как статуэтка на сцене: очень пропорциональный». И он лепил себя, своё тело… Перед «Пугачёвым», помню, мы разминаемся, делаем отжим от пола. Он сорок раз отжимался очень легко. А вот попробуйте-ка с лёту сорок раз! И я хорошо помню: мы считали. Но это ж было так, не на рекорд, просто разминочное упражнение, чтобы всё запело, заиграло…

Гамлет (Владимир Высоцкий) и Лаэрт (Валерий Иванов-Таганский) у могилы Офелии

Чтобы «заиграло» — было очень нужно. Шёл 1974-й, «Десять дней, которые потрясли мир». Высоцкий и Иванов-Таганский оба играли в этом спектакле главную роль: то один, то другой…

— Однажды в Вильнюсе, на гастролях, мне в номер звонит Любимов: «Валерий, немедленно приезжай! Высоцкий не в форме».

Первая сцена. Называется «Рожи болота». По всей сцене — серая тряпка, вся в прорезях, в них появляются разные маски. Последняя — главная. Для неё из рук делали лестницу, по этим рукам последняя маска в зелёном френче и наклеенном парике поднимается и становится на плечи пантомимистов. Это были Медведев и Слава Спесивцев (Вячеслав ныне народный артист, известный режиссёр). И вот, опираясь на эти плечи, нужно было произнести монолог:

«Граждане несчастной России! Соотечественники! Братья! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вам лгут! Вам лгут, когда заклинают ради чужой славы отдавать свои жизни. Разве не истина, что некоторые авторитеты живут во дворцах, окружённых парками, лебедями, и стерляжьей икрой на завтрак, а вот вы, прочие граждане, не имеете даже куска хлеба…»

И вот Володя произносит потухшим голосом: «Гражда-а-не-е…» — и ноги ходят ходуном… Любимов мне говорит: «Быстро переодевайся!» Я сыграл остальные пять сцен, а когда спектакль кончился, смотрю, Высоцкий стоит где-то в глубине, с красными глазами. Говорю: «Володя! Что случилось-то? Всё ж было нормально». А он: «Валера, ты можешь поехать со мной на драку?» — «Куда?» — «Здесь, в Вильнюсе, бар "Эрфурт"». — «Хорошо, поехали. А где твои друзья?» — «Никто не соглашается».

Во дворе стоял «BMW». Ещё не «Мерседес», но уже не «Рено», подаренный Мариной Влади. Мы сорвались с места, сразу — сто километров в час. Темперамент прёт: он рассказывает, что случилось. Оказывается, Володя провёл вечер с девушкой, барабанщицей в оркестре гостиницы «Интернациональ», а наутро её молодой человек — барабанщик из оркестра бара «Эрфурт» — её избил. И она позвонила Высоцкому…

Высоцкий видел, что может Иванов. Однажды под Новый год в театре был бал. Один из гостей, которому Валерий чем-то не понравился, взял горящую свечу, подошёл к нему и — кап, кап, кап, — вылил растаявший парафин на его новенький чешский костюм. «Что вы делаете? — воскликнул интеллигентный Иванов. — Это же не дело! Да! Давайте спустимся вниз!» Пока спускались, Иванов оценил обстановку: по весу противник был как минимум на четыре категории выше. Амбал, одним словом. Вышли в фойе. Две ступеньки от гардероба. Иванов понимает: надо бить, иначе опоздает. Нанёс ему удар справа — голова ушла влево, и тут последовал мощный и точный удар левой. Противник повержен. В этот момент появляется Высоцкий (решил сбегать за гитарой), видит сцену и произносит: «О, Валера! Левой рукой! Такой удар — браво!»

— И Высоцкий мне в машине говорит: «Валер, я помню, как ты бил левой! Ты не бойся, я очень хорошо работаю в паре». Мстить, так мстить, — и мы договариваемся, как действовать. Наконец, подъехали к главному входу. «Я — Высоцкий», — кричит Володя дежурному, который нас не пускает. «Я не знаю, кто такой Высоцкий, — отвечает ему. — Здесь нельзя проходить». Тогда Володя спрашивает: «Валера, у тебя есть деньги?» — «Есть». Даю ему пять рублей. Он суёт деньги дежурному: «Вот вам пять рублей, пропустите!» — «Здесь нельзя, — твердит тот. — Зайдите со двора».

Что делать — пошли со двора, но машину на всякий случай развернули. Так, чтоб можно было бежать, если придётся. А при входе со двора наверх ведёт винтовая лестница. Поднялись, видим: круглая танцплощадка, по кругу — столы, тут — оркестр, а здесь — спуск в зал… И вдруг Володя видит этого барабанщика и как Сирано де Бержерак прыгает прямо в центр зала и начинает обличительный монолог с ненормативной лексикой: «Ах ты… Я тебя…» Бежит на авансцену, надеясь вспрыгнуть на неё легко, но зацепился ногой и — полетел! Его начали бить. Я выскакиваю с репликами: «Это же Высоцкий! Что вы делаете?! Остановитесь!» На меня ноль внимания.

Пробиваюсь к этому барабанщику и врезаю ему, он летит прямо в панбархат, что украшает задник. Ну, тут уж налетели и на меня. Справа, слева — весь оркестр на нас навалился. Я хватаю Володьку, отталкиваю, и мы срываемся по винтовой лестнице вниз к машине. Оркестр — за нами. Героическое «смывание» двух гладиаторов. И когда, наконец, выбегаем во двор, видим, что въезжают две машины. Такси. Из них выходят Иван Дыховичный, Борис Хмельницкий, Анатолий Васильев, Виталий Шаповалов, Иван Бортник… Узнав, что мы отправились с Высоцким вдвоём, они решили ехать на выручку. Тут уж — стенка на стенку, и литовцы остановились…

Конечно, это всего лишь эпизод, один паззл из тысячи, но из них складываются характеры. У Валерия Иванова-Таганского таких паззлов — множество. Один из примечательных — песня «Про гимнастику», которую Высоцкий спел своему другу после разминки перед спектаклем, сидя в одних трусах в гримуборной…

— Ночью сочинил, а утром мне до «Пугачёва» спел. Я обалдел от этого: сидим в гримёрке, в таких длинных трусах, и он поёт…

Сколько было подобных посиделок! Сегодня, когда Володю Высоцкого «приватизировали» те, кто и в глаза его не видел, хочется крикнуть: «Остановитесь, он был другим!»